

девочки с блестящим будущим

трейси добмайер
венди кацман

перевод
маргариты
лобин

роман

МИО

МИФ Проза

Трейси Добмайер

Девочки с блестящим будущим

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 82-311.4
ББК 84(7Сое)6-443

Добмайер Т.

Девочки с блестящим будущим / Т. Добмайер — «Манн, Иванов и Фербер», 2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195912-0

Три женщины, мечтающие, чтобы их дочери поступили в элитный Стэнфордский университет. Единственное свободное место на потоке – какой ценой оно достанется кому-то из них? Все начинается, когда за день до подачи заявлений одна из девушек попадает в аварию, которая совсем не кажется случайной... На что готовы пойти матери, чтобы победить в этой безумной гонке за престижным будущим для своих детей? И какие грязные секреты откроются на этом пути? Для кого эта книга Для читателей психологических триллеров, драм и романов. Для тех, кому понравились книги «Все, чего я не сказала», «Исчезнувшая», «Случайная вакансия». Для поклонников сериалов «И повсюду тлеют пожары», «Большая маленькая ложь», «Отыграть назад». Для тех, кто хочет узнать об обратной стороне учебы в элитных университетах. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.4

ББК 84(7Сое)6-443

ISBN 978-5-00-195912-0

© Добмайер Т., 2021

© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Дом Марен и Винни Прессли	7
Часть I	11
1. Марен	11
2. Алисия	18
3. Келли	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Трейси Добмайер, Венди Кацман девочки с блестящим будущим

Original Title:

Girls with Bright Futures

by Tracy Dobmeier and Wendy Katzman

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В тексте неоднократно упоминаются названия социальных сетей, принадлежащих Meta Platforms Inc., признанной экстремистской организацией на территории РФ.

© 2021 by KatznDobs, LLC.

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Вану Кацману и Эрику Добмайеру, отцам-основателям нашего союза

Дом Марен и Винни Прессли

ПЯТНИЦА, 29 ОКТЯБРЯ, 23:30

«Это полный провал», – хихикнула бы Винни, увидев прикорнувшую на диване мать. Как ни бодрилась Марен, пытаясь дождаться дочь, нянчившуюся с соседским карапузом, усталость вскоре взяла свое, и женщина провалилась в сон. Очнувшись, она вытерла струйку слюны, вытекающую из уголка рта, и одним щелчком клавиши вернула к жизни примостившийся на груди ноутбук, по примеру хозяйки перешедший в «спящий режим». Экран вспыхнул, и в глаза Марен хлынул поток информации, обнаруженной поисковой системой.

Перед тем как задремать, Марен из мрачного любопытства заглянула необычное имя профессора, с которым столкнулась несколько часов назад, когда без предупреждения заско-чила в дом своей руководительницы, чтобы вернуть прошедшую техосмотр кофеварку. За долгие годы, что Марен проработала личным помощником Алисии Стоун, одной из самых влиятельных женщин в области высоких технологий, она постоянно встречалась со знаменитостями и сильными мира сего. А потому какой-то бостонский профессор не показался ей особо значимой персоной – наверняка очередная пешка в тщательно продуманной партии, разыгрываемой Алисией, чтобы всеми правдами и неправдами пропихнуть свою дочь Брук в Стэнфорд. Однако сегодня, за три дня до окончания досрочной подачи вступительных документов, вид его кольнул Марен в сердце, послужив грозным напоминанием – на тот случай, если до нее так и не дошло, – что для Винни путь в Стэнфорд заказан.

С хрустом вытянув шею, затекающую от лежания в неудобной позе, Марен захлопнула крышку ноутбука и зашарила рукой под подушками, нащупывая телефон. Винни прислала ей сообщение, что идет домой, но, когда Марен выудила телефон и разблокировала экран, она недоуменно хлопала глазами – часы показывали половину двенадцатого вечера, и, следовательно, сообщение от Винни пришло более часа назад. Неужели дочь тихой сапой проскользнула в дом и отправилась на боковую, не пожелав маме спокойной ночи?

Не успела она соскочить с дивана, чтобы заглянуть в дочкину спальню, как в дверь нетерпеливо позвонили, затем истошно забарабанили, и Марен внезапно сообразила, что именно эта какофония звуков и пробудила ее ото сна. Пряча улыбку, она представила топчущуюся на крыльце Винни, снова забывшую ключи. Ее дочь обладала острым умом, но была при этом до смешного безалаберной.

– Да иду я, иду! – закричала Марен, подходя к двери их крошечного одноэтажного коттеджа.

Потянув за ручку, она приготовилась одарить Винни классической материнской улыбкой, явственно говорящей: «Спасибо, что соизволила вернуться, но где тебя черти носили?» – однако, стоило ей распахнуть дверь, как кривоватая ухмылка мгновенно слетела с ее лица.

На крыльце стояла вовсе не ее дочь. Ничего подобного. На крыльце, под тусклым, облепленным расплюсченной мошкаркой фонарем, возвышался полицейский в полном облачении, и Марен инстинктивно плотнее запахнула на груди мешковатый кардиган, накинутый на лямку пижаму.

– Здравствуйте. Чем обязана?

Ей с детства внушали, что полицейские – ее самые надежные друзья и заступники, однако печальный опыт общения со стражами порядка, полученный ею много лет назад, научил ее как можно реже попадаться им на глаза.

– Добрый вечер, мэм. Разрешите представиться – сержант Уилсон. А вы миссис Прессли?

Откуда ему известно ее имя? Сердце Марен замерло.

– Д-да?

– Ровина Прессли – ваша дочь?

– Да, – замогильным голосом прошептала она.

Никто никогда не называл Винни ее полным именем!

– Мэм, очень сожалею, но у меня для вас печальные новости. Ваша дочь попала в аварию и серьезно пострадала.

– Нет, – недоверчиво тряхнула головой Марен. – Вы, должно быть, спутали ее с кем-то другим.

Ей захотелось захлопнуть дверь и снова впасть в дрему или погрузиться в размышления, унимая горькую обиду от нанесенного Алисией оскорбления. Ей захотелось исчезнуть – куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

– Мэм, это смартфон вашей дочери?

Сержант Уилсон протянул ей айфон в знакомом розовом чехле. В его здоровенной лапе он смотрелся на редкость забавно, и Марен еле сдержалась, чтобы не расхохотаться. «Вздор! – зазвенел в ее голове язвительный голос, издевающийся над нелепостью предположения сержанта. – Это вовсе не телефон Винни». И всё же... Словно во сне Марен взяла в руку смартфон. Экран был разбит вдребезги. Она перевернула айфон, вопреки всему надеясь, что на задней панели не окажется опознавательного знака, единственного в своем роде пластикового держателя в форме ролла с лососем, на который транжиря Винни спустила немалую часть заработанных денег... Марен обдало горячей волной страха.

– Боже мой... Она... С ней всё хорошо?

– Как я уже говорил, она попала в аварию и серьезно пострадала. Упала с электроскутера. Ее отвезли в Мемориальную больницу. Сожалею, но никакими сведениями о ее здоровье я не располагаю.

– Но ведь она жива? Жива?

– Никаких подробностей мне не сообщили. Сказали лишь поставить в известность ее родителей и сопроводить их в больницу. – Сержант Уилсон переступил с ноги на ногу и вытянул шею, заглядывая Марен через плечо. – А отец Винни дома?

– Нет. Я одна. Мы с дочкой живем вдвоем.

Сержант понимающе кивнул.

– Вы готовы ехать со мной в больницу, мэм, прямо сейчас?

Марен не ответила. Не шелохнулась.

– Мэм?

– Да. Да! Обождите минутку!

Стоило ей закрыть дверь и направиться в спальню, чтобы переодеться, как ее охватила настоящая паника. Марен прислонилась к дверному косяку и на миг зажмурилась, чтобы хоть немного прийти в себя и унять дрожь в ногах. Придерживаясь рукой за стену, она сделала несколько шагов и замерла, вглядываясь в развешанные там фотографии. Каждый день она деловито сновала мимо, почти не обращая на них внимания, но теперь не могла оторвать глаз. К горлу ее подступили рыдания. Вот Винни празднует пятый день рождения и улыбается от уха до уха щербатым ртом, в котором не хватает двух выпавших молочных зубов. Вот они с Брук, крепко обнявшись, в одинаковых футболках с эмблемой Стэнфорда позируют на пляже перед бунгало Стоунов на острове Сан-Хуан. Им обоим по десять лет, и они всё еще лучшие подружки. Вот Винни на прошлогоднем школьном балу в нежно-голубом платье, подчеркивающим, но не выставляющим напоказ ее естественную красоту, и на высоченных каблучках-шпильках. И так не маленького роста, Винни кажется здесь просто моделью на подиуме.

А вот последний снимок, сделанный месяц назад, когда ее приняли в Национальное почетное общество. На нем Винни почти столько же лет, сколько было Марен, когда жизнь ее пошла под откос... Марен смотрела на фотографию и думала, что всегда хотела только одного – отвести беду от Винни и подарить ей счастье. Дочь была для нее всем. Она вскинула вверх полные слез глаза и пламенно взмолилась могущественной высшей сущности, в которую давным-давно перестала верить: «Спаси и сохрани ее. Прошу тебя. Прошу тебя! Прошу!»

Сержант Уилсон включил мигалку, и патрульная машина, прежде чем выехать на магистраль, ведущую к Мемориальной больнице, понеслась, вихляя, по кривым переулкам их скромного райончика, одного из немногих, что еще остались в пораженном индустриальным бумом Сиэтле. Марен ехала следом, пытаясь держать подобающую дистанцию, но то и дело подъезжала к полицейской машине почти вплотную – мозг отказывался служить ей, руки и ноги тряслись, волосы стояли дыбом. Мысли, одна другой страшнее, вихрем проносились в ее голове. Что, если Винни умрет раньше, чем они доберутся до больницы, и Марен не успеет с ней попрощаться? Что, если Винни парализует? Что, если у нее обнаружатся необратимые повреждения мозга? И как – хотя это тревожило ее меньше всего – как, вне зависимости от диагноза Винни, она оплатит астрономические медицинские счета?

Несмотря на то что она проработала на Алисию более десяти лет, продержавшись дольше всей ее домашней прислуги вместе взятой, медицинская страховка в заключенный между ними договор не входила. В прошлом году Марен прошерстила медицинскую биржу штата и ужаснулась: ей оказалась не по карману даже страховка по субсидированной ставке. И потому, уповая на их с Винни хорошее здоровье, она потратила деньги не на страховку, а на замену трансмиссии в автомобиле. В конце концов, им оставалось продержаться всего ничего. Меньше чем через год Винни поступит в университет и получит льготную студенческую страховку. Но не откажут ли Винни в лечении? Может, написать Алисии? Как член правления Мемориальной больницы, та в состоянии обеспечить Винни необходимый уход. Она всегда заявляла, что любит Винни как родную дочь. Не заварись пару недель назад эта безумная каша с поступлением, Марен не колеблясь попросила бы Алисию о помощи. Теперь же она молила Бога, чтобы ей не пришлось этого делать.

Кое-как припарковавшись на первом свободном месте, Марен рванула к автоматическим раздвижным дверям, подбежала к девушке-регистратору и засыпала ее вопросами.

– Ваша дочь в операционной, – ответила девушка, сверяясь с компьютером. – Как только врачи освободятся, они пришлют кого-нибудь сообщить о ее состоянии. А до тех пор подождите в приемном покое.

Уже в операционной?

– Но... – заикаясь проговорила Марен. – Но... что у нее за операция? Она жива?

– Простите, но больше я ничего сказать не могу. У меня нет информации. Операция скоро закончится, и вы сами поговорите с врачом... Ой, погодите... Миссис Прессли, верно? У меня нет данных о медицинской страховке вашей дочери. Она у вас с собой?

– Э-э... нет... Я не захватила ее. Так торопилась, что вылетело из головы... – Марен, как бы сожалея, похлопала себя по карманам. – Но, надеюсь, это не отразится на ее лечении?

– Не отразится, но прошу вас указать номер ее страхового свидетельства при первой же возможности.

– Да, да, разумеется, – заверила ее Марен. – Как только, так сразу. Уж я об этом позабочусь.

Нет, Марен не врала, она просто строила воздушные замки в надежде когда-нибудь перенести их на более устойчивую почву.

В приемном покое кроме нее находилась совсем юная семейная пара с тремя ребятами, носившимися как угорелые, а также лохматый бородач – то ли бродяга, то ли хипстер – и женщина в черной дутой куртке и бейсболке, облюбовавшая место в другом конце зала. Углядев одинокий стул, стоявший в отдалении от всех, напротив двери с табличкой «Посторонним вход воспрещен», Марен уселась на него и приготовилась ждать.

Через полчаса она вновь подскочила к регистратору, чтобы выпытать у нее информацию или хотя бы прочесть по ее лицу, что с Винни все будет хорошо. Тицетно: от хирурга не было ни слова, да и выражение лица девушки, как и ее голос, не сообщило ничего нового. Марен поковыляла обратно и только тут заметила, что юная семейная пара и бездомный хипстер исчезли, а вместо них появились новые взволнованные лица. Только женщина в другом конце зала все так же несла свою одинокую вахту. «Интересно, – мелькнуло в голове у Марен, – какая у нее печаль? Кого она ждет?» Женщина, как показалось ей, тоже не сводила с нее глаз. Марен попробовала утешить себя, что не у нее одной произошла трагедия, но это не помогло. Она рухнула в кресло и закрыла лицо руками.

Не может быть, чтобы история их жизни оборвалась вот так, на полуслове, из-за какой-то глупейшей аварии, из-за какого-то дурацкого электроскутера! Появление на свет Винни чуть не разорвало сердце Марен от горя. Но со временем, любуясь глазами своей дочки, горящими внутренним путеводным светом, Марен научилась подавлять в себе мерзкие, связанные с ее рождением мысли. А теперь она и вовсе позабыла про них, вспоминая лишь три прошедшие недели. За годы совместной жизни они никогда, никогда так не ссорились. И, произойди самое страшное, как Марен жить дальше, если последнее, что она сделала для дочери, – это растоптала ее мечты? Но ведь история их семьи предполагала совсем иное! Она обещала Винни славную победу – блестящее окончание Академии Эллиот-Бэй и поступление в Стэнфорд, а не борьбу за жизнь в операционной. Рукавом свитера Марен смахнула со щек слезы. Еще недавно она выла от тоски, воображая, какое беспросветное одиночество обрушится на нее, когда Винни уедет в университет. Но разве какое-то одиночество из-за отъезда дочери сравнимо со всепоглощающей, бездонной скорбью, готовой вот-вот навалиться на нее?.. Снова...

Часть I

1. Марен

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ОКОНЧАНИЯ ДОСРОЧНОЙ ПОДАЧИ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В СТЭНФОРД

В последние шесть с половиной лет не проходило и дня, чтобы Марен Прессли не мелькнула в коридорах сиэтлской Академии Эллиот-Бэй. Обычно она появлялась здесь как персональный помощник Алисии Стоун и представляла интересы своей работодательницы, которая, взвалив на себя многочисленные волонтерские обязанности, не желала исполнять их лично. По правде говоря, случаи, когда Марен заглядывала в академию в качестве мамы Винни, можно было перечесть по пальцам. В отличие от остальных мамаш учащихся, Марен крутилась как белка в колесе и дорожила каждой, так редко выпадавшей ей, свободной минуткой, а потому не имела привычки тратить драгоценное время на сование носа в школьные дела дочери. Винни и без нее прекрасно справлялась.

Однако в семь утра Марен получила сообщение от консультационного центра академии. Ее вместе с Винни просили – или вынуждали? – безотлагательно встретиться этим же утром с университетским куратором. Местные мамы вечно судачили, что семь кураторов академии, по сути своей, обладают ничем не ограниченной властью и вольны распределять учащихся в элитные университеты по собственному усмотрению. На вечеринке по случаю начала учебного года Марен подслушала разговор группы родителей, рассказывающих, как они, все бросив, мчались в академию по первому же зову консультационного центра: титаны хай-тека срывались с совещаний, доктора – с плановых операций, а одна купавшаяся в деньгах разведенка – вы только представьте! – даже выскользнула из-под скальпеля хирурга, делавшего ей лабиопластику. (То, что мамы в упор не замечали Марен, иной раз могло сослужить ей добрую службу.) Поэтому, взвесив все за и против, Марен решила выполнить свой материнский долг и сопроводить Винни в школу. По дороге, поглядывая на часы, она еще питала надежды, что встреча – каковы бы ни были ее причины – окончится быстро и у нее хватит времени разобраться с кучей работы, которой ее завалила Алисия.

Когда она зашла в кабинет мисс Лоусон, Винни, затянув длинные светлые волосы в неряшливый узел, уже поджидала ее, примостившись на краешке стула и мечтательно уставившись в стену. Проследив за ее взглядом, Марен пробежалась глазами по школьным афишам, спортивным флагам и пестрой мозаике фотографий, где студенты всех национальностей, высокие и низкие, большие и маленькие, толстые и худые, серьезно смотрели на нее на фоне утопающих в зелени учебных площадок и университетских корпусов в готическом стиле.

– Здравствуйте, мисс Лоусон. Я Марен Прессли. Мы встречались с вами прошлой весной.

Марен пожала куратору руку и пристроилась на свободном стуле рядом с Винни.

– Да, да, – поддакнула мисс Лоусон, расплываясь в широкой улыбке. – Поверить не могу, что вы мама Винни. Вы так молоды!

Она повернулась к девушке и доверительно сообщила:

– Ты просто счастливица. Моя мать родила меня в сорок три года, и люди думали, она моя бабушка. Я просто сгорала со стыда. А вас с мамой можно принять за сестричек, особенно если одеть одинаково.

– Если бы всякий раз, как я это слышу, мне платили... – хихикнула Винни.

В свои тридцать пять лет Марен в элитной частной школе Эллиот-Бэй выглядела настоящей белой вороной. В зажиточном Сиэтле матери ее возраста чаще всего катали в колясках младенцев да семенили за только-только начавшими ходить карапузами. И хотя она старалась не привлекать к себе внимания, в академии ее цветущее юностью лицо разительно выделялось среди поблекших лиц прочих родительниц, годившихся в большинстве своем ей в матери. Но, незначительно выигрывая у них в возрасте, Марен заметно проигрывала им в статусности. Она не обладала ни малейшим атрибутом принадлежности к высшему обществу: ни роскошным электромобилем, ни фирменной спортивной одеждой вкупе с дизайнерскими сумочками, ни престижной специальностью или ученой степенью, о которых так приятно намекнуть в дружеской беседе, небрежно упомянув не самое ходовое название своего университета: «Как любил говорить мой преподаватель по маркетингу в Келлоге...» – или и вовсе прибегнув к абракадабре-аббревиатуре: «Когда я училась в ГШБ...» Поэтому Марен, изнывая, считала оставшиеся до весны дни. Весной Брук, дочь Алисии, и Винни должны были окончить академию, а Марен – раз и навсегда распрощаться с этой клоакой.

– Итак... Значит... Э-э... – Мисс Лоусон нервно потерела пирсинг в хрящевой пластинке уха. – Меня уполномочили сообщить вам не самые приятные известия. Все изменилось в последний момент, и... возникли некоторые сложности... Вот я и собрала вас в срочном порядке...

Марен наострила уши. Слишком уж не вязались эти слова со всей обстановкой консультационного центра, призванного «превращать мечты в реальность».

– Ну и?..

Подсунув под себя закрученные руки, Марен коротко стриженными ногтями впиалась в изящные шерстяные брюки: в прошлом году она урвала их в благотворительном магазинчике «Вале-Вилладж», куда отвозила гигантскую гору тряпья, извлеченного из шкафов Алисии и Брук. Как ни велико было искушение, Марен, призвав на помощь всю силу воли, ему не поддавалась и придерживалась строгого правила – никаких обносков с плеча нанимательницы. Даже ради Винни.

Правда, однажды она его все же нарушила, вскоре после того как Винни поступила в девятый класс академии. Дочь упростила Марен забрать выброшенный Брук за ненадобностью модный рваный свитерок розового цвета, совсем новый, с несрезанными ярлычками. На следующий же день Винни отправилась в нем в школу, но, вернувшись с тренировки по бегу, прямо на пороге рывком выхватила свитер из спортивной сумки и изорвала его в лохмотья. Тогда и пришел конец многолетней пламенной дружбе девочек, и Брук начала демонстративно избе-

гать общества Винни. Почему – Марен так и не поняла. Брук всегда казалась ей доброй и отзывчивой. И ее поведение поставило Марен в такой же тупик, что и Винни.

– Какие новости вы хотите нам сообщить, мисс Лоусон? – без обиняков спросила Винни.

Пока мисс Лоусон, пряча глаза, перебирала на столе бумаги, Марен сохраняла на лице безучастное выражение и благопристойно сидела, выпрямив спину. Похоже, эта привычка, с детства вбиваемая в нее матерью в душных комнатах родного дома и в загородном клубе, осталась единственным связующим звеном в цепи их давным-давно прервавшихся отношений.

Мисс Лоусон вскинула голову, словно сверяясь с установленным на потолке телесуфлером.

– Хм... Э-э... Понимаете ли...

Она закатала рукав, так что на внутренней стороне предплечья обнажилась крохотная татуировка с черной бабочкой, и продолжила.

– Четверо студентов-спортсменов – рекорд для нашей академии, честное слово! – подали заявления в Стэнфорд. Я знаю, что в прошлом году мы с Винни обсуждали досрочную подачу в этот университет, и в течение ближайших трех недель ей следовало бы отправить документы, однако... Однако вынуждена вас огорчить: мы связались с приемной комиссией Стэнфорда, и нам заявили, что в этом году они возьмут из нашей академии только одного дополнительного студента.

– Но в прошлом году они брали семь человек, разве нет? – Голос Винни звенел от волнения.

– Верно, – кивнула мисс Лоусон, – но, оказалось, в этом году они собираются принять как можно больше выпускников из обычных общеобразовательных учебных заведений и вынуждены сократить количество поступающих из привилегированных частных школ, таких как наша академия.

– Но я перешла из обычной школы в академию только затем, чтобы повысить свои шансы на поступление в Стэнфорд!

Прежде чем мисс Лоусон успела открыть рот, в разговор вклинилась Марен.

– Все это очень интересно, – сказала она, – но какое отношение это имеет к Винни? Она лучшая ученица и, кроме того, имеет бесспорный приоритет: Винни – студентка в первом поколении.

Как им объяснили в консультационном центре прошлой весной, Винни представляла особый интерес для элитных колледжей. Их прельщали не только ее выдающиеся способности и блестящая академическая успеваемость, но и так называемый козырь, дающий ей преимущество перед остальными: Винни являлась первой в семье Прессли, поступающей в высшее учебное заведение. Марен это приятно удивило, хотя, надо признать, ничего особо отрадного в этом, в общем-то, не было – все равно что получить Нобелевскую премию после смерти. Однако, зная, насколько это важно для Винни, Марен ликовала. Вероятно, Винни тоже праздновала победу. Похоже, преждевременную. Что ж, если им хотят дать от ворот поворот, пусть проявят любезность и выложат все начистоту.

Мисс Лоусон неуютно заелозила в кресле.

– М-м... да, разумеется, как мы уже отмечали, при прочих равных Винни была бы превосходным кандидатом для поступления, но... Но теперь приходится учитывать, что в этом году наши бесподобные спортсмены заняли почти все свободные места, хм... Более того, знаете ли, в нашей школе имеются ученики, обладающие еще большим, чем у Винни, приоритетом. Само собой, Винни вольна поступать как ей заблагорассудится и может попытаться счастье со Стэнфордом, однако мы полагаем, ей лучше подать заявление в какой-нибудь другой университет, за поступление в который в нашей школе сражаются не столь отчаянно. В конце концов, козырь Винни дает ей уникальный шанс поступить в любой университет, входящий в расширенную Лигу плюща.

Марен метнула на мисс Лоусон взгляд, исполненный отвращения, который та, вероятно, приняла за растерянность.

– *Расширенной* Лигой плюща, – пояснила она, – мы называем ассоциацию восьми старейших университетов Америки и объединение университетов со схожей репутацией и правилами приема. В это объединение входят, в частности, Стэнфорд, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт и Чикагский университет. В любом случае повторю: помимо Винни в нашей школе есть ученики, которые не только обладают всеми преимуществами для поступления в Стэнфорд, но и намерены поступать только туда.

Марен стиснула зубы и сощурилась, чтобы не выдать клокотавшей в ней ярости. Ее материнские чувства были возмущены до предела. Понятно как дважды два, что на самом деле скрывалось за словами мисс Лоусон. Они хотят расчистить дорогу либо для «наследника» Стэнфорда, студента, чьи родители когда-то окончили этот университет, либо для толстосума с полной мощной денег. А может, для студента, у которого есть и то и другое. Все они в этой академии одним миром мазаны. Талдычат, как заведенные, о равных возможностях и справедливости, но стоит кому-то ненароком встать у них на пути, и они тотчас, без малейшего зазрения совести (это Сиэтл, детка) избавляются от более слабых и менее удачливых, чтобы протолкнуть своего избранника.

– Но как же так, мисс Лоусон? Вы сами убеждали меня прошлой весной, что ни у кого в Эллиот-Бэй нет таких великолепных шансов для поступления в Стэнфорд, как у меня. Так почему вы советуете *мне*, а не другим ученикам поискать новый университет?

– Винни, ты же знаешь, мне запрещено обсуждать с тобой других учеников.

– Значит, вы всем это говорите? – допытывалась Винни. Голос ее предательски дрожал.

– Вин, это неважно. – Марен нежно дотронулась до руки дочери. – На Стэнфорде свет клином не сошелся. Найдем тебе другой чудесный университет. Такой, что у тебя дух захватит. Обещаю.

– Да при чем тут это? Почему ты вечно прячешь голову в песок? Речь идет о моем будущем. Чем Крисси или Брук лучше меня? С чего вдруг они должны занять мое место? Их матери все за них делают, только что тесты не пишут. А я учусь сама, без посторонней помощи!

Мисс Лоусон оторвалась от монитора компьютера и расплылась в улыбке.

– Возможно, тебе следует взглянуть на это с другой стороны, Винни. Считай, что судьба дает тебе еще один шанс. Ты добилась потрясающих успехов, и я уверена, мы подберем тебе университет по заслугам и – по средствам. Какого ты мнения об Орегонском университете? Или Университете Кейс-Вестерн? Когда они заманивают таких звездных абитуриентов, как ты, их щедрость не знает границ.

– С чего вы взяли, что мы не в состоянии заплатить за учебу? – огрызнулась Винни, никогда раньше не позволявшая себе подобного оскорбительного тона в общении со старшими. – Если мы не так богаты, как остальные, это не значит, что мы удовольствуемся обедками.

– Вин, довольно! – прикрикнула на дочь Марен к облегчению растерявшейся мисс Лоусон, которая явно не знала, что ей ответить, и резко обернулась к куратору. – Благодарю, что поставили нас в известность. Разумеется, мы многое не успели обсудить, но, думаю, на сегодня достаточно. Мы и так отняли у вас время.

Красноречиво вздернув бровь, Марен взглянула на дочку, подхватила с пола сумку, поднялась и направилась к двери. Подражая дамам из высшего общества, среди которых она вращалась только по мере необходимости, Марен выдавила из себя дружелюбную улыбку, пожала мисс Лоусон хорошего дня и, подталкивая в спину справедливо разобиженную Винни, покинула кабинет, чтобы... получить очередной пинок от судьбы.

Второй урок уже начался, но Винни не пошла в класс, а поплелась вслед за Марен на автостоянку, плюхнулась на пассажирское сиденье их автомобильчика, с треском захлопнула дверь и разрыдалась.

– Это несправедливо, мам!

Черт побери, разумеется, несправедливо! Трясущимися от гнева руками Марен никак не могла попасть ключом в замок зажигания. Все эти годы в академии об нее вытирали ноги, и она молча сносила пренебрежение, лишь бы дать Винни возможность раскрыть свои таланты. И чего ради? Ради горькой пилюли, которую сегодня заставили проглотить ее дочь? Однако... надо выдохнуть. Взять себя в руки. Винни и без того тяжело, нельзя усугублять ее страдания.

– Жизнь вообще несправедлива, – философски заметила Марен и положила руку на плечо дочери, но Винни тут же ее сбросила. – Послушай, я стараюсь, как могу, но я не все-сильна. Если в Стэнфорде осталось одно свободное место, то его займет Брук, а не ты. Только попробуй подай заявление, и – к гадалке не ходи – Алисия меня уволит. Мы не имеем права так рисковать.

Марен повернула ключ. Мотор несколько раз чихнул и фыркнул, прежде чем завестись, а женщина застыла на сиденье, ожидая, когда Винни успокоится и вернется в школу.

– Но Стэнфорд – это моя мечта. Кроме Стэнфорда мне ничего не надо. Они не посмеют забрать его у меня. Я делала все, что ты мне советовала. Мирилась с издевательствами из-за того, что годами выклянчивала эту мерзкую финансовую помощь, улыбалась, не высовывалась и усердно трудилась – лучше и больше всех.

В последний раз с таким горьким отчаянием Винни высказывала все, что накопило у нее на душе, в первый год обучения в академии, когда Брук и все ее одноклассницы отправились покупать бикини за тысячу баксов для отдыха во время зимних каникул. Каникулярные планы Винни предполагали нечто совсем другое – она собиралась помогать Марен выгуливать собак, чтобы наскрести денег на дорогостоящее снаряжение, необходимое для всех обучающихся в Эллиот-Бэй, поскольку учеников в обязательном порядке посылали на общественно-полезные работы по уборке мусора с пляжей Тихого океана. Ирония ситуации, когда приходится убирать собачьи какашки, лишь бы не упустить шанса покопаться в мерзкой гнили и дряни иного рода, от Винни тогда не ускользнула.

– Винни, положи руку на сердце, ну почему Стэнфорд для тебя так важен? Не понимаю... Да любой диплом о высшем образовании распахнет перед тобой двери и подарит миллиард возможностей. Стэнфорд не единственный хороший университет. Что, если ты просто забила себе голову чудесной сказкой?

Хлюпнув носом, Винни настороженно покосилась на мать.

– Помнишь ту футболку с логотипом Стэнфорда, с которой я ни на день не расставалась?

– Ты хочешь сказать – не расстаешься. Ты же ее до сих пор носишь, хотя она тебе на нос еле-еле налезает, – поддразнила ее Марен.

– Ну да... – протянула Винни. – Тот день, когда Алисия мне ее подарила, так и стоит у меня перед глазами. Они только-только вернулись с Брук из поездки по Стэнфорду. Сколько нам тогда было? Лет восемь? А я помню все как вчера: Алисия протягивает футболку, кладет руки мне на плечи, смотрит прямо в глаза – у меня аж мурашки по коже бегут – и говорит, что Стэнфорд – самый лучший университет в Америке и что, если я буду стараться, я смогу туда поступить и стать такой же успешной, как и она. Ее слова запали мне в душу. Не то чтобы я не уважала твой выбор и не ценила все, что ты делаешь, не пойми меня превратно, но...

я хочу большего. Я хочу так же головокружительно преуспевать, как Алисия. Я хочу, чтобы меня все уважали.

Марен вздрогнула, как от удара.

– То есть я не имею в виду, что тебя люди не уважают... Просто Алисия любит повторять, что я для нее будто родная дочь. И заявление Стэнфорда ничего не значит. Алисия наверняка отыщет какую-нибудь лазейку и сможет устроить в Стэнфорд двоих, а не одного, как нас страшат. То есть вдруг у нее были бы близнецы, а? Неужели ты думаешь, она бы позволила поступить в Стэнфорд только одному из них? Да ни за что! Она всегда мечтала, чтобы мы поступили туда вместе. Мы с Брук постоянно это обсуждали. Да Алисия за нас костями ляжет!

– Костями, – поправила ее Марен. – Но это ей не поможет. Алисия тут бессильна.

– Ой-ой, граммар-наци. Мы не со-бе-се-ду-ем-ся, мы – бе-се-ду-ем.

– Прости... – Марен почувствовала угрызения совести – вечно-то она шум из-за пустяков поднимает. – Что ж, картина мне ясна. Понимаю, Алисия – твой герой, однако ты кое-что упускаешь из виду. Заруби себе на носу: у Алисии на Брук далеко идущие планы и, прокладывая ей дорогу, она ни перед чем – и ни перед кем – не остановится.

– Знала бы ты, какой грязью поливает Брук свою маман на каждом углу. Уши в трубочку сворачиваются. Но Алисия просто хочет ей помочь. А Брук не понимает своего счастья. Да Стэнфорд ей как собаке пятая нога. Кроме того, ее средний балл достаточно средний. Таких, как она, к Стэнфорду и на пушечный выстрел нельзя подпускать.

Винни замолчала, переводя дыхание, и Марен согласно кивнула.

– Солнышко, я все понимаю. У тебя есть повод злиться, но мы в таком положении, что нам нельзя рисковать. Стоит Алисии пронюхать, что ты намерена обойти Брук, и она взбеленится. Давай не раскачивать лодку. Если Алисия будет на нашей стороне, ты, безусловно, поступишь в какой-нибудь отличный университет. Гарвард? Йель? Колумбия?

– Нет.

– Что – нет? Какой из них тебе не по нраву?

– Любой. Нет значит нет. Нет – и точка. Без вариантов. Ты всегда твердила мне, чтобы я следовала за мечтой. Не ставь мне палки в колеса. Я не собираюсь перебираться на Восточное побережье. Я собираюсь поступать в Стэнфорд. И я найду способ поступить туда. С твоей помощью или без нее.

Марен со стоном опустила голову на грудь, легонько стукнувшись лбом о руль.

– Не надо махать красной тряпкой перед Алисией. Она нам этого не простит.

– Мам, ну пойми ты меня, пожалуйста! Я просто хочу честно поступить в Стэнфорд. Я заслужила его по праву.

Запустив пальцы в свои прямые светлые волосы, Марен попыталась собраться с мыслями, но мозг ее кипел, как вода, в которой она два часа назад варила яйца на завтрак для семейства Стоунов, и единственное, о чем она могла думать, так это о том, что ей требуется время, чтобы все взвесить.

– Вин, притормози. Давай поговорим об этом позже. Мне надо все как следует переварить. Чем я и займусь в выходные.

– Но подача документов через три недели! Ты предлагаешь мне семь дней впустую потратить? Очуметь! Да я могла бы над эссе поработать!

«Если бы существовал прибор для измерения уровня истерии, – подумала Марен, – сейчас бы его стрелка неуклонно ползла к делению “спасайся кто может”».

– Тише, Вин, – шикнула она. – Работай над своими эссе сколько угодно. Они же в любом случае пригодятся для поступления. Хотя бы и в другие университеты, разве нет?

– Нет. Не пригодятся. Это особые эссе, только для Стэнфорда, – раздраженно гаркнула Винни. – Если бы уделяла мне хотя бы одну десятую долю того внимания, какое уделяют своим детям другие матери, ты бы об этом знала. Я ведь не прошу тебя сходить с ума и трястись

надо мной, как полоумная маман Крисси Вернон! Но отличай хотя бы заявку на поступление от дополнительного эссе!

Марен не выдержала и в сердцах двинула кулаком по рулю.

– У меня, в отличие от всех этих мамаш, нет времени прыгать перед тобой на задних лапках! Тебе ли не знать, что я пашу, как лошадь, сутки напролет! У меня сумасшедшая работа и три халтуры на стороне! И мы все равно еле-еле сводим концы с концами!

Марен редко повышала на Винни голос. Бросив мимолетный взгляд в окно, она выдохнула и немного смягчила тон.

– Слушай, я всегда пребывала в уверенности, что как только тебе понадобится помощь, ты о ней попросишь. Я тебе доверяла. Так почему же сейчас ты ведешь себя как дрянная девчонка?

Винни, явно огорченная, потупилась.

– Прости. Ты права. Наверное, так я и пыталась попросить тебя о помощи, но, похоже, дала маху. Просто... никогда в жизни я ничего так страстно не желала. Пожалуйста, посмотри на это моими глазами. Помечтай о чем-то большем...

– Дай мне пару дней, хорошо? – сдалась Марен.

Винни подняла на колени рюкзак, стоявший у нее между ног, и дернула молнию.

– Как скажешь, – недовольно буркнула она, пожимая плечами. – Ладно, мне пора на математику. До вечера.

Дверца захлопнулась с таким грохотом, что внутри Марен все перевернулось. Она проводила взглядом высокую, худенькую фигурку дочери, мчавшуюся в класс в своем обычном школьном прикиде: облегающей толстовке с капюшоном и узких, в обтяжку, джинсах, пестревших дырами, – затем, прежде чем нажать педаль газа, посмотрела на себя в зеркало заднего вида и вздохнула, заметив под глазами черные круги. Винни ошибалась, полагая, что она не мечтала о лучшем будущем для них обеих, и наивность дочери болью отзывалась в материнской груди. Марен жила только ради Винни, выворачиваясь наизнанку, лишь бы обеспечить ей достойное будущее. У нее и мысли не возникало разрушать единственную мечту Винни, однако мечта эта была совершенно, совершенно недостижима. Лишившись поддержки Алисии, Марен лишится всего: денег, работы, видов на будущее, безопасного существования. Как только Винни уедет в университет и станет сама себе хозяйка, Марен освободится от ига Алисии. Однако сейчас выбора у нее не оставалось: ей кровь из носу необходимо было убедить дочь поступать куда угодно, только не в Стэнфорд.

2. Алисия

Следуя за телохранителем, Алисия Стоун вышла через двери служебного входа и юркнула на заднее сиденье поджидавшего ее черного «Линкольна». Захлопнув дверь, она перегнулась к переднему пассажирскому сиденью и дала знак шоферу трогаться. Пиарщица, сопровождавшая ее на встречу, уже пристегнула ремень безопасности и склонилась над смартфоном, набирая текст. Пальцы ее так и летали. Как ее зовут? Сиенна? Саванна? Неужели так трудно прицепить на грудь бейджик с именем? Почему люди всегда усложняют другим жизнь? Алисия раздраженно щелкнула ремнем безопасности, и девушка, на мгновение вскинув на нее глаза, испуганно улыбнулась. Люксовый кроссовер, выехав из узкого переулка, влился в плотный поток автомобилей, и Алисия, откинувшись на мягкое кожаное сиденье, на миг отрешенно прикрыла веки, чтобы собраться с силами: сегодня вечером ей предстояло выступить с речью «Женщины в мире высоких технологий» в культурно-общественном центре Манхэттена на углу Девяносто второй улицы и Лексингтон-авеню.

Алисия возглавила «Аспере», технологическую корпорацию – разработчика визуальных и фирменных стилей компаний, после того как ее основателя и бывшего генерального директора сместили с должности за многочисленные обвинения в сексуальных домогательствах. Здравый смысл подсказал учредителям, что для восстановления пошатнувшейся репутации фирмы лучше всего избрать на это место женщину. А так как среди руководителей высшего звена единственной женщиной оказалась именно Алисия, то пост перешел к ней. Ее прежние достижения на посту вице-президента по развитию бизнеса и сотни удачных сделок, в результате которых акции «Аспере», пять лет назад вышедшей на биржу, росли как на дрожжах, никого не интересовали. Алисия, однако, боготворила свою работу, хотя та и выматывала ее без остатка. И сегодняшний день не стал исключением. Только что она отбила атаку клиентов и акционеров «Аспере», возмущенных кошмарным квартальным отчетом о прибылях корпорации и недавней утечкой данных трехсот миллионов пользователей.

«Что это ты прохлаждаешься? – завопил внутренний голос Алисии. – Нежишься, смежив веки! Целых полминуты – коту под хвост!» Женщина встрепенулась, выхватила телефон из фешенебельной сумки «Гоярд» и застрочила сообщения личной помощнице Марен.

Алисия: Замени батарейки в моих шумоподавляющих наушниках, а то Брайан весь мозг вынесет своей трепотней о тупых рестлерах в костюмах ниндзя.

Марен: Без проблем.

Алисия: Проверь мои встречи на четверг. Пришли фото трех образов с подходящими украшениями.

Марен: Сделаю.

Алисия: Мне понравились те корейские увлажняющие маски из авокадо. Закажи еще!

Марен: Уже заказала. Ждут твоего возвращения на туалетном столике.

Алисия: Снотворное почти закончилось. Запасы пополнила?

Марен: Свежая упаковка – в верхнем ящичке прикроватной тумбочки.

Алисия: Отлично. Теперь...

Обрушившийся на Марен водопад начальственных хотелок прервал входящий звонок. При других обстоятельствах Алисия переключила бы его на автоответчик, однако звонил не кто иной, как Тед Кларк, директор Академии Эллиот-Бэй, а такие звонки в разгар учебного года в выпускном классе дочери пропускать нельзя.

– Тед? – насмешливо проворковала Алисия. – Чем обязана удовольствию тебя слышать?

– Алисия, надеюсь, я не застал вас врасплох? Вам удобно разговаривать?

– О, да, да.

Рассеянно глядя в окно на проносившийся мимо Манхэттен, Алисия вскользь подумала, какой бы стала ее жизнь, согласись она после окончания Стэнфордской высшей школы бизнеса на предложение от «Голдман Сакса», а не «Майкрософта». Это решение стало для нее судьбоносным. Благодаря ему она не только променяла ленивые завтраки и выходные в Хэмптоне а-ля «Секс в большом городе» на пешие прогулки, катание на горных велосипедах и гонки на каяках по волнам Тихого океана, но и встретила Брайана, бывшего бейсболиста, игравшего за команду Вашингтонского университета, ярого приверженца отдыха на природе. Небрежный стиль в одежде и мужской шарм, тяга к приключениям и образ «крутого парня» сразили ее наповал. Алисия влюбилась без памяти. Ее восхищало его трудолюбие и льстило, что оба они начинали на равных, с нуля, не имея за спинами ни загородных клубов, ни трастовых фондов, ни наследственных имений с анфиладами комнат, ни бесчисленных, проживавших в этих комнатах предков. Они сами строили свою жизнь и даже не помышляли достичь в ней каких-то особых головокружительных высот. Алисия чуть не расхохоталась, припомнив их с Брайаном молодость и первые годы супружества, но покашливание Теда вывело ее из романтического забытья.

– Не буду ходить вокруг да около, – сказал, помедлив, Тед. – Насколько я понял из слов мисс Барстоу, Стэнфорд до сих пор занимает первое место в списке Брук?

«Первое место в списке»? О чем он вообще? Разве она не вбила ему в голову в первый же год обучения Брук в школе, что Стэнфорд – *единственное* учебное заведение в списке ее дочери? И разве он не должен был донести эту мысль до всех этих мисс Барстоу и прочих кураторов консультационного центра? Она что, не ясно выразилась?

– Разумеется. Стэнфорд – ее выбор.

– Что ж, в таком случае, – Тед снова закашлялся, прочищая горло, – позвольте донести до вашего сведения информацию, только что полученную нами от приемной комиссии Стэнфорда.

Алисия помассировала висок. Она уже достаточно знала Теда, чтобы понимать: его постоянные покашливания – не к добру.

Тед немного помолчал и продолжил:

– Как вам известно, в прошлые годы многие наши ученики успешно поступали в Стэнфорд. Возможно, вы даже слышали, что в этом году четверо спортсменов, заканчивающих обучение в академии, выразили желание будущей осенью продолжить спортивную карьеру именно в Стэнфорде. Для Эллиот-Бэй это что-то неслыханное.

Келли Вернон, мать Крисси, также подавшей заявление на поступление в Стэнфорд, вот уже несколько месяцев, задыхаясь от восторга, докладывала Алисии о каждом чихе в соцсетях каждого спортсмена академии. Келли – та еще подхалимка, однако ее способностям добывать информацию обо всем, происходящем в школе, позавидовали бы маститые агенты секретной службы США. Взамен от Алисии требовалось изредка приглашать Келли на чашечку кофе и снабжать ее сплетнями о каком-нибудь местном мультимиллионере из сферы высоких технологий, благо в Сиэтле подобного добра хватало.

– Поздравляю, ты можешь собою гордиться. Ты приложил немало усилий, чтобы выдвинуть спорт на лидирующие позиции в Эллиот-Бэй. Но при чем тут Брук?

Тед зашелся в кашле.

– В этом году, – прохрипел он, – нашей школе дополнительно выделили только одно место для поступления.

– Подумать только, – равнодушно отозвалась Алисия, рассматривая малюсенький скол на лакированном ногте левого большого пальца. Надо немедленно сообщить Марен, чтобы та вызвала маникюршу сразу же, как только Алисия вернется домой.

– В этом году их девиз: «Мы все разные, но у всех нас равные возможности», – пояснил Тед. – Они собираются набрать не менее шестидесяти процентов абитуриентов из государственных общеобразовательных школ.

– Я прекрасно об этом осведомлена, Тед. Ты забываешь, что я вхожу в попечительский совет Стэнфорда.

Зажав телефон между плечом и ухом, Алисия принялась рыться в сумке в поисках пилочки для ногтей. Если чуть-чуть подпилить ноготь, никто ничего не заметит. Машина подкатила к очередному служебному входу в очередном узком переулке. Девочка-пиарщица многозначительно постучала по запястью, напоминая, что время поджимает, но телохранитель, восседавший на переднем сиденье, не шелохнулся, ожидая, когда Алисия закончит разговор.

– Алисия, учитывая академическую успеваемость Брук и ее внеклассную деятельность, возможно, она захочет...

– Тед, – вскипела Алисия и, позабыв про ноготь, крепко сжала смартфон, – ты серьезно? Неужели ты думаешь, я должна беспокоиться о том, что Брук не поступит в Стэнфорд?

– Я думаю, ей не помешало бы рассмотреть и другие варианты.

– Другие варианты? – изумилась Алисия, смахивая пылинки с брючного костюма. – О каких вариантах речь – ума не приложу. В конце концов, Брук законная «наследница» Стэнфорда. Мы не хотели трезвонить об этом по всему свету, но знай – не так давно я пожертвовала пятнадцать миллионов долларов Стэнфордскому факультету компьютерных технологий.

– Ох, вот это новость, – пробормотал Тед.

– И, кстати... Мне просто любопытно – сколько еще учеников академии в этом году намерены участвовать в досрочной подаче вступительных документов в Стэнфорд? Помимо наших безмерно одаренных спортсменов?

– Э-э... как всегда, Стэнфорд вызывает повышенный интерес, и мы полагаем, некоторые студенты собираются попытать счастья в досрочной...

– Впрочем, неважно, – перебила его Алисия.

Единственным и – пока что – неодолимым препятствием, преграждавшим Брук дорогу в Стэнфорд, являлось ее стойкое нежелание писать эссе.

– Тед, надеюсь, мы оба понимаем, что Стэнфорд – идеальный выбор для Брук, и потому ты, не жалея сил, ее в этом поддержишь. Я ведь вправе на тебя рассчитывать, верно? После всего, что я сделала для академии, не говоря уже о твоём продвижении по службе...

– Н-да... разумеется, – заикаясь, проговорил он.

– Вот и чудненько.

Алисия прервала разговор и швырнула телефон в сумку. Идиот безмозглый! Беспокоит ее по таким пустякам!

– Прощу прощения, Алисия, – пиарщица жалко улыбнулась, – но нам следует поторопиться. Встреча и приветственные речи начнутся через пять минут.

Она протянула ей салфетку и тюбик помады «Триш Макэвой» с любимым Алисией оттенком «Дикая роза».

Поднеся помаду к губам, Алисия наконец вспомнила имя пиарщицы.

– Спасибо, Саманта, – поблагодарила она девушку, сняла очки для чтения и положила их в футляр.

Очки Алисия ненавидела, но, смиряясь с неизбежным, покорно носила их, понимая, что без них ей теперь не обойтись. Все-таки пятьдесят два года – это не шутка. По счастью, другие приметы, выдававшие в ней женщину средних лет на пороге климакса: седеющие волосы, обвисшие щеки, брыли на подбородке и упорно, несмотря на все прыжки и приседания, державшийся целлюлит – благополучно, хотя и не без помощи персональных тренеров и стилистов, на которых тратились баснословные средства, маскировались дорогостоящей одеждой, корректирующим бельем и косметическими процедурами. Однако не одни лишь возрастные изменения больно ранили самолюбие Алисии: она все чаще стала замечать, что ее окружают восхитительно молодые и привлекательные женщины – та же Саманта и та же Марен. Да, Марен не была столь вызывающе молода, как Саманта, но ее наплевательское отношение к своей внешности лишь подчеркивало естественную красоту, дарованную ей природой, а бесформенная одежда только притягивала завистливые взгляды к ее идеальной фигуре, не требовавшей изнуряющих тренировок. Везет же некоторым.

Один из телохранителей открыл дверь, двое других встали по сторонам, готовясь сопроводить Алисию в здание. Проходя между ними, она посмотрела на часы, отметила про себя, что уже половина шестого вечера, и мысленно подсчитала, как обычно делала по сто раз на дню в поездках – чертовски бесконечных поездках, – сколько времени в Сиэтле. Разница с Нью-Йорком у него в три часа, значит, сейчас там половина третьего. Брук в школе. То есть предположительно – в школе. На почту Алисии на этой неделе пришло два письма, сообщавших, что ее дочь пропустила несколько уроков. Странно, но Брайан, родитель, не управлявший компанией с капиталом в миллиарды долларов, никогда подобных писем не получал. Само собой, Алисия прикрыла Брук – ах, у бедняжки начались судороги, пришлось вызывать врача – и даже извинилась, что забыла предупредить канцелярию – простите, простите, от этих перелетов голова кругом, сами знаете, – но в душе кипела от негодования. Черти бы побрали ее мужа, который не способен даже на такую малость – проследить, чтобы их дочь исправно посещала школу!

Впрочем, сейчас не время отвлекаться по мелочам, рисуя в воображении картины неминуемой стычки из-за вступительных эссе и прогулов. Всему свой черед. Сейчас ей необходимо собраться и держать ухо востро. Модератор сегодняшней встречи – один из самых въедливых и уважаемых журналистов, освещающих сферу высоких технологий. Ей никак нельзя сплывать перед собравшимися здесь активными и целеустремленными женщинами, потратившими семьдесят пять баксов, чтобы узнать, как взлететь по карьерной лестнице на самый верх и получить все и сразу. Улыбку, маэстро!

– Привет, золотце, как там Большое Яблоко? – осведомился Брайан, хрустя чипсами.

Алисия отстранилась от телефона, включила громкую связь и, отвернув мягкое одеяло, скользнула на белые, накрахмаленные простыни гостиничной постели.

– Превосходно. Ты один? Брук дома?

– Нет, отправилась после игры на посиделки с подружками. Вечеринка для выпускниц или что-то типа.

– Ч-черт! Игра! – поморщилась Алисия. Сегодняшний футбольный матч Брук напрочь вылетел у нее из головы. Она редко посещала игры, но всегда отправляла дочери сообщения с пожеланием удачи. – Какой счет?

– Два – ноль в их пользу. Победная серия продолжается.

– Может, хоть в этом году они выиграют кубок штата?

Несмотря на почти десять лет профессиональных занятий футболом, личного наставника и летний спортивный лагерь в Испании, к концу второго года обучения Брук в Эллиот-Бэй университетский тренер из консультационного центра сказал, что у нее нет ни единого шанса пробиться в Стэнфорд за счет своих спортивных достижений. Брук тотчас ушла из городской футбольной академии и доигрывала сезон в обычной школьной команде только для того, чтобы получить на рукав капитанскую повязку, а вместе с ней и дополнительный плюс к вступительному заявлению в Стэнфорд. При таком раскладе победа в чемпионате штата пришлась бы ей как нельзя кстати. Одно хорошо – в академии капитанскую повязку давали любому выпускнику, пинавшему мячик за честь родной школы.

– Скучаешь по мне? – вкрадчиво промурлыкал Брайан низким, как его называла Алисия, «сексуальным» голосом.

Алисия закатила глаза. Ей бы полчаса потарашиться в зомбоящик и завалиться спать, а у Брайана лишь одно на уме. Сексуальные аппетиты и запросы мужа только росли по мере того, как она возносилась все выше и выше и все больше и больше прибирала к рукам власть. Ее желания он не спрашивал, но Алисия обычно всегда ему уступала – слишком обидчиво он реагировал на ее отказы, болезненно воспринимая их как сомнения в своей мужской неотразимости. Впрочем, оно того стоило: от близости с мужем Алисия получала огромное удовольствие. Правда, сегодня ему ничего не обломится.

– Проверь-ка телефончик, – хмыкнул Брайан.

Алиса покосилась на экран с уведомлением о присланной Брайаном фотографии, но даже не подумала ее открывать.

– Брай, у тебя мозги есть? Вот счастье – причиндалы твои лицезреть! А если меня взломают и эта фотка утечет в Сеть?

– Подумаешь! Ты ведь моя жена. К тому же, – он понизил голос, – глянь, красота какая. Как у жеребца.

Алисия скрипнула зубами. Помолчала, прислушиваясь, как Брайан стучает мячом о стену. Представила, какие следы останутся на обоях от каждого «шмяка», и взорвалась.

– Тед Кларк звонил днем! – рявкнула она.

– И чего хотел? – мрачно спросил Брайан, раздосадованный, что она не поддержала его игривого настроения.

– Как ни странно – ничего. Звонил сообщить, что в этом году в Стэнфорд из академии примут только одного ученика. Все остальные места уже распределены. Рекордное количество спортсменов – целых четыре штуки! – соизволили подать заявления в Стэнфорд. Ах-ах-ах, «мы все разные, но у всех нас равные возможности», у нас детишки из государственных школ и прочая бла-бла-бла. Он даже намекнул, что Брук неплохо бы присмотреть себе другой университет для досрочной подачи. Нет, ты это слышал? И это после всего, что мы для них сделали!

– Кто еще намылился в Стэнфорд? – спросил Брайан.

– Насколько понимаю, дочурка Крисси Вернон. Келли всем уши прожужжала, что у Крисси в два раза больше прав, чем у обычных «наследников» Стэнфорда: у нее, мол, там учились оба родителя.

– А Винни? Ты же ее кумир. Стэнфордскую футболку, что ты ей подарила, она таскает, не снимая. Вечно в ней ее вижу. Помню, эта футболка болталась на ней, будто ночнушка, до колен доходила, а сейчас еле титьки прикрывает, – загоготал Брайан, восхищенный собственной наблюдательностью.

– Может, Винни и питала какие-то надежды на Стэнфорд, но раз они берут только одного ученика академии, она сообразит, что ей ничего не светит. Она умненькая девочка, подыщет себе другой университет.

Алисия отломала кусочек темного шоколада: куда бы она ни отправлялась, Марен всегда заботилась о том, чтобы на тумбочке рядом с кроватью лежала плитка ее любимого лакомства. Шоколад был единственной слабостью Алисии.

– Это место должна занять Брук, – продолжала она. – Согласна, ее учеба оставляет желать лучшего, но с моими связями в Эллиот-Бэй и Стэнфорде ей беспокоиться не о чем. Принимает же Стэнфорд четырех тупоголовых спортсменов. Так почему бы ему заодно не принять и Брук? Правда, все мои старания пойдут прахом, если Брук не закончит возню с документами. Что там с ее эссе?

По тому, как протяжно вздохнул Брайан, перестав забавляться с мячом, Алисия поняла, что со вчерашнего утра, когда она перед отъездом прочитала этой сладкой парочке, Брайану и Брук, суровую лекцию о верном расставлении акцентов, эссе не продвинулись ни на йоту.

Предвидя подобное развитие событий, Алисия полгода назад поручила Марен записать Брук на летний интенсив по написанию эссе, проводимый учителями академии, а в качестве подстраховки наняла Синтию Макинтайр. Эта суперсекретная осведомительница, знавшая наперечет обо всем, что творилось в приемных комиссиях ведущих университетов, колесила по стране и предлагала свои услуги отпрыскам американской ультрамегаэлиты. Алисии несказанно повезло: накануне интенсива Синтия согласилась (за двадцать пять тысяч долларов) заскочить к ним на три часа, помочь Брук выбрать темы для эссе и обсудить, как лучше преподнести в резюме ее внеклассную деятельность. Алисия предполагала, что к тому дню, когда Брук пойдет в школу в свой последний, выпускной класс, у нее на руках уже будут готовые эссе и прочие необходимые документы. Однако летний интенсив оказался палкой о двух концах. По его завершении Брук обозвала свои эссе «полным отстоем» и решительно заявила, что отложит их написание на осень. Но осень подходила к концу, срок ранней подачи заявлений в Стэнфорд истекал через три недели, а эссе до сих пор представляли собой непаханое поле. На все попытки Алисии ускорить их написание Брук только огрызалась. И неважно, ластилась ли она к дочери, беспечно спрашивая: «Что-то ты сегодня и носа из комнаты не кажешь, солнышко, никак корпишь над эссе?» – или орала на повышенных тонах: «Где твои чертовы эссе?!» – результат был один: Брук находила себе оправдания, а после впадала в ярость. Или наоборот.

– Господи боже, Брайан! – разозлилась Алисия. – До подачи заявления – три недели! С какой стати она шляется с подружками? Пусть сидит дома, пока не покончит с этими эссе!

– Погоди, Лиш... – Она услышала, как он потянулся. – Может, оно и к лучшему, что со Стэнфордом все так обернулось, а? Нет худа без добра.

До Алисии донесся странный звук. Он что там, яйца чешет?

– Нашей дочери Стэнфорд – до фонаря. Вот она и изводит тебя с этими эссе.

Брайан включил телевизор, давая понять, что тема исчерпана.

– Не валяй дурака! – прикрикнула на него Алисия. – Это просто блажь, как с летним лагерем. Помнишь, сколько крику было? А теперь у нее там все лучшие друзья.

– Ну, нашла, что вспомнить. Тогда ей было десять, а сейчас – семнадцать.

– И что?

Алисия глотнула прохладной минеральной воды «Перье», милостиво приготовленной для нее Марен, и задумчиво провела пальцем по запотевшему стеклянному боку зеленой бутылки, оставив на ней неровную полоску. Иногда на нее накатывало ощущение, что она живет исключительно по милости Марен и, не будь Марен рядом, жизнь ее развалилась бы, как картонный домик. Она настолько высоко ценила помощницу, что даже плотоядные взгляды, постоянно кидаемые на нее Брайаном, не могли заставить Алисию с ней расстаться.

– А то, что даже если она попадет в Стэнфорд, все вокруг будут думать, это ты ей подсобила, – заявил Брайан. – А вдруг она не потянет? Представляешь, каково ей придется? Нелегко, знаешь ли, быть твоей дочерью. Только и делай, что оправдывай немереные ожидания.

Алисия поставила бутылку на тумбочку, схватила пульт и нацелила его на экран телевизора. Скука, аж зубы сводит. Бесконечные жалобы и нытье: ой, какая мука – быть мужем Алисии Стоун! Ох, какая боль – быть ее дочерью! Оправдывать ожидания для них – невыносимо, а жить в доме площадью четырнадцать тысяч квадратных метров в Вашингтон-парке, рассекать на частных самолетах, играть в пяти гольф-клубах, отдыхать в райских уголках планеты и пользоваться самой уникальной и дорогой кредиткой в мире, «черной картой» от «Американ экспресс» – это всегда пожалуйста.

Однако, каким бы раздолбаем Брайан ни был, он исправно находился дома большую часть времени и с отцовской заботой приглядывал за Брук, частично избавляя Алисию от чувства вины за бесконечные командировки. Когда в 2001 году лопнул первый пузырь доткомов, обвалив рынок коммерческой недвижимости Сиэтла, Брайан остался не у дел и ходил как в воду опущенный, тщетно пытаясь найти работу. Чтобы сохранить брак и не лишиться рассудка, Алисия продала акции «Майкрософта» и купила в округе Сиэтла несколько коттеджей для сдачи в аренду, инвестируя таким образом в будущее Брайана. Дело пошло. Позднее они обзавелись загородным коттеджем на острове Сан-Хуан, кондоминиумом в Теллурайте, пляжным бунгало в городке Дель-Мар и еще парочкой доходных домов и скромных жилищ, разбросанных по всему Сиэтлу. Брайану доставляло истинное наслаждение приводить некоторые из них в порядок, ремонтировать, а затем с выгодой продавать, однако чаще всего он довольствовался ролью сборщика арендной платы и мастера на все руки, такого «мужа на час». Свободное от трудов время, которого у него было в избытке, он проводил, ставя рекорды в гольф-клубах (сыграть за год двести пятьдесят раундов – это вам не хухры-мухры), в барах, распивая с бывшими однокурсниками, и дома, производя бухгалтерские расчеты, играя в видеоигры и смотря порно. Одним словом, вел идиллическую жизнь отца-домохозяина.

– Ничего немереного в моих ожиданиях нет, – отрезала Алисия. – Просто Брук *влом* писать эти гребаные эссе. Она нарочно тянет время, чтобы меня позлить. Из вредности. Ну да ничего. Когда все закончится, она мне спасибо скажет.

– Почему бы нам не подготовить ее к тому, что она не поступит в Стэнфорд? – спросил Брайан. – Если в нем осталось всего одно место, давай подыщем ей другой универ. Мне кажется, ей понравится Мичиган. Подумай.

Алисия закусила губу. Брайан знал, как задеть ее за живое: при упоминании Мичигана ее мгновенно уносило потоком воспоминаний. В памяти всплывал образ старшего брата, Алекса, короткостриженого, с темно-русыми, выбеленными волосами. От которого всегда пахло хлоркой. Который любил подшучивать над ней и таскать ее на своих мускулистых плечах. Он погиб за полтора месяца до переезда в Анн-Арбор, главный кампус Мичиганского университета, куда, по сложившейся за два поколения семейной традиции, он поступил, чтобы выступать за команду пловцов «Мичиганские росوماхи». Ему одобрили полную спортивную стипендию, покрывавшую все расходы на обучение, питание, проживание и экипировку. После его смерти никаких иных вариантов поступления для Алисии не рассматривалось. Только Мичиганский университет, только «Западный Гарвард», как значилось на футболках, в которых щеголяла вся ее семья.

Мичиган с радостью приветил бы Брук, «наследницу» в четвертом поколении, но Алисия не могла об этом даже и думать: слишком глубока и мучительна была нанесенная ей рана. Когда «Аспере» начала размещать свои акции на бирже, Алисия, чтобы приободрить отца, увековечила память об Алексе, учредив стипендию его имени. В день, когда ее вручали первому студенту, Алисия вместе с семьей впервые после окончания университета посетила альма-матер и поклялась никогда больше не переступать ее порога. Чтобы пережить даже скромную церемонию награждения, ей потребовалось две таблетки «Валиума».

– Засунь свой поганый язык куда подальше, – отрубила Алисия. – Мичиган не обсуждается. Сам знаешь почему. Звонок Теда ничего не меняет. Я что, просто так пожертвовала Стэнфорду пятнадцать миллионов?

– Ладно, – тяжело вздохнул Брайан, – вечером я с ней поговорю.

– Не утруждайся, – фыркнула Алисия. – Я сама разберусь с этими эссе. Всё как обычно: мечтаешь что-то сделать хорошо – сделай это сама.

Оборвав связь, она швырнула трубку на исполинское ложе. Если Брук не собирается писать эти клятые эссе, пора брать инициативу в свои руки. Открыв ноутбук, она зашла в почту и пробежалась глазами по файлам в папке «Универ». На прошлом выездном совещании компании, проходившем в Сан-Валли, горнолыжном курорте штата Айдахо, она разговорилась за ужином с коллегой, жаловавшимся на тяготы поступления в университет своей дочери. Дочь так переживала, что коллега нанял профессора английского языка из одного чрезвычайно престижного института, и тот не только подготовил ее к собеседованию, но и написал за нее эссе. «Какая мерзость!» – возмутилась тогда Алисия, не понимая, как человек способен так низко пасть. Однако на следующий день она списалась с коллегой, попросила координаты профессора и сохранила их в папке. На крайний случай, который, очевидно, настал. Пора бить во все колокола. Кликнув по электронке профессора, она застучала по клавиатуре.

3. Келли

Пыхтя от злости, Келли Вернон сидела в машине, припаркованной возле центра дополнительного образования, и поджидала детей: старшую, выпускницу Крисси, среднюю, десятиклассницу Кэтрин, и младшего, семиклассника Калеба. Крисси проходила курс по углубленному изучению математики, Кэтрин – химии, Кaleb – английского языка. Келли специально надела этим утром спортивный костюм, чтобы потратить час ожидания с пользой и прогуляться по тропинкам позади здания. Как ни крути, а сидячий образ жизни, бесконечные поездки, волонтерские собрания да переедание из-за нескончаемого стресса самым плачевным образом начали сказываться на ее фигуре, с каждым днем расплывавшейся все больше и больше, особенно в области ниже спины. Однако звонок от влиятельной мисс Барстоу, главы консультационного центра, спутал все ее планы. Стремительно округляющаяся пятая точка сразу стала наименьшим из зол, едва мисс Барстоу сообщила, что в этом году Стэнфорд готов принять только одного ученика Академии Эллиот-Бэй. По тону ее голоса Келли безошибочно определила: мисс Барстоу дает ей понять, что Крисси лучше отступить и не ввязываться в борьбу за Стэнфорд. Но кого они хотят продвинуть вместо нее? Винни Прессли? Брук Стоун? Разбежались! Келли так просто не сдастся, она будет биться до последнего – шесть последних лет она только и делала, что расчищала для дочери дорогу к победе, и, если надо, вырвет эту победу зубами. Да как они смеют не поддержать Крисси после всего, что Келли для них сделала? Для всех и каждого в этой проклятой академии! Неужто они забыли, кто готовил им эти чертовы собрания, подливал кофе и подносил закуски?

Что ж, прогулка – побоку. Келли вытащила горсть припасенных для детей протеиновых батончиков и кинулась просматривать ленты новостей в своих социальных сетях и сетях Крисси, где она быстренько залогинилась под аккаунтом дочери. Надо докопаться до истины – истины, которую мисс Барстоу наотрез отказалась ей открывать, – кто еще собирается подавать заявление в Стэнфорд. Соцсети, однако, хранили молчание. Тогда, сбросив с колен пустые обертки, Келли открыла на телефоне приложение «Блокнот», куда весь последний год заносила собранную по крупицам информацию почти обо всех ста учениках выпускного класса академии. «Блокнот» содержал бесценные сведения: права «наследования» (родители слишком высоко задирали носы, чтобы открыто бахвалиться этим), посещения университетов (ох уж эти детки, им и в головы не приходило отключать передачу геоданных в смартфонах), результаты тестов, рейтинги успеваемости, выбранные детишками курсы углубленного изучения предметов и факультативы (ну, это пустяки – зайти в кабинет родительского комитета, что направо

по коридору, да и узнай) и обновления на веб-сайтах, где вербовщики подыскивали будущих студентов-спортсменов. Были в нем и имена удачливых ублюдков, выцыганивших финансовую помощь и, вероятнее всего, поступающих в университет без оплаты, чистые активы родителей учащихся, рассчитанные на основании стоимости принадлежавших им домов (спасибо, «Зиллоу», ты лучший интернет-сервис для оценки и поиска недвижимости), а также данные Комиссии по ценным бумагам и биржам США о проданных акциях. Информация из последних двух источников просто необходима, если хочешь определить, кто в состоянии значительно «облегчить поступление» (образно говоря, дать вступительной комиссии на лапу).

Не менее скрупулезно Келли отмечала в «Блокноте» ухищрения тех мамаш, которые, как и она, не имея за душой достаточных средств, всю свою кипучую энергию направляли на расцвечивание вступительных резюме своих чад, уповая, что этого хватит для поступления. Одна мамаша организовала некоммерческое предприятие, обучавшее детишек из Катманду вязанию, и назначила дочь президентом. Другая, не слушая отчаянных воплей протестующего отпрыска, отправила его прошлым летом в Оксфорд на экспресс-курс по античной мифологии, чтобы повысить его баллы по гуманитарным дисциплинам. Третья каждое лето, с тех пор как ее подающий надежды юный ученый пошел в седьмой класс, ходила по пятам за профессором биологии из Гарварда, умоляя взять сыночка на стажировку. Однако пальму первенства Келли скрепя сердце отдала хваткой проныре, сотворившей из дочери блогера: девица приобрела более шестисот тысяч подписчиков и за один только пост зарабатывала до пяти тысяч долларов! Да за такие деньги можно хоть целый век в университете прохлаждаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.